

ДЖАВАДНАМЕ

(Сокращённое)

Мирджаваду слагая оду,
Вижу женщин и чёрных чертей;
Вместо тюбиков – красок вёдра
И ладони вместо кистей.

Он не пишет, он лепит краской.
Ему тесно на поле холста.
С ним свиданье, как будто встряска
Недр, где плавится красота!

Ему впору бы труд Гефеста,
Озарившего мир пещер.
Мирджавад из того же теста
И из тех же глубинных сфер.

...

58 лет Джаваду, но ни выставок, ни рублей.
Я спросил Мирджавада: что надо,
Чтобы жизнь его шла веселей?
Что ему близко в мире этом?
И какая его мечта?..

Он ответил: немного света
И зернистое поле холста.
Одна радость осталась – работа.
Ни помочь тут, ни помешать.
Что с того, что прославился кто-то?
Слава временна, как анаша...

...

Кровь волной наполняет жилы,
Руки вкривь растут, как кусты.
Раз увидишь – познаешь силу
Вулканической красоты.

Кто-то мается мукой праздной,
Кто-то жирный заказ отхватил...
Мирджавад, краской пол изгваздав,
Знай работает, что было сил.

Кабыстан, словно формула тайны,
Ритмы гор, вензеля ковров –
Всё сошлось на холсте не случайно.
В красках – отсветы дальних миров...

...

Кич базарный вокруг да халтура,
Жалких лозунгов пыльный шербет.
Что за смысл прославлять культуру,
Когда к ней уваженья нет?

Вильям Мейланд, 11.09.1981

автобус Баку – Шеки

(В.Мейланд. Сборник стихов. Москва, 1995)

Дом - покати шаром
Жизнь - не успеха ради
Альма-матер твоя - Апшерон -
Виселица виноградин...
Абрис лунный в пылких зрачках,
Дар прозренья в чутких руках.

Мансур Векилов 2003

Обладатель памятной Пушкинской медали, главный редактор журнала «Литературный Азербайджан»

ХУДОЖНИК

Джаваду Мир Джавадову

Под крышей сеида Джавада,
Где тесно небесным холстам,
Нездешнего мира громада,
Деревья кровавого сада
И святость с грехом пополам.

На тайной последней вечере
Пирует себе сатана.
Закреты тяжёлые двери.
Надежде, покою и вере
Неведомы их имена.

Не зря сатана безымянен –
Он этой уловкой силен.
А распят, повешен и ранен,
Кто, может быть робок и странен,
Но именем был наделён.

Пирует нечистая сила,
Кровавое льётся вино.
А тени и сверху и с тыла,
И рать в отдаленьи застыла,
А дальше и вовсе темно.

Ах, бедный предтеча, художник,
Великий и грустный Джавад!
Забытого бога острожник,
Для этой вечера – безбожник,
По истине тайной – собрат.
Прости униженье природе,
Прости сатане торжество,
И думай добрей о народе,
Живущем неявно в свободе,
И духе великом его.

И помни о мяготи дыни,
О вдаль уходящей арбе.
О даре небесной пустыни,
Который доныне, доныне
Нетленен и вечен в тебе.

А где-то на дне Апшерона,
Закопаны в землю, лежат
Безмолвно, без крика и стопа,
И трон, и живая корона,
И весь доморощенный ад.

Печалиться вовсе не надо,
Твой ангел тебя осенит.
И бог не забудет Джавада.
Всё глуше рогатое стадо,
И в колокол вечность звонит.

Леонид Латынин, декабрь 1985

(из книги "Перед прозой", 1988)